

С.Б. Сорочан

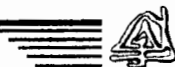
Харьков

К исторической географии Хазарского каганата: пространственные пределы юго-западной границы в VII в.

Долгое время было принято считать, что, вследствие бурных внешнеполитических событий, прежде всего, вторжений гуннов, алан, тюрков, уже к середине VI в. строительство в Таврике пограничных оборонительных систем, как и в прочих регионах Византии, стало сворачиваться и под нажимом вражеских военных отрядов в 70-80-х гг. VI в. византийское доминирование на территории Крыма прекратилось более чем на два столетия, с VII в. уступив место безраздельному хазарскому господству [см.: Кулаковский 1908, 179; Кулаковский 1906, 63; Бобринский 1905, 95 - 97; Шестаков 1908, 11 - 12; Якобсон 1954, 152, 158; Якобсон 1964, 27; Jakobson 1995, 378; Герцен 1984, 87; Николаев 1984, 20; Пиоро 1990; Баранов 1994]. Дата появления здесь хазар, а тем более включения этих земель если не в состав, то в сферу влияния Хазарского каганата четко не оговаривалась исследователями, что заставляет вновь обратиться к этой проблеме, решаемой весьма противоречиво, неоднозначно.

По мнению целого ряда авторитетных специалистов, это произошло не ранее 680-х гг. [Могильников 1981, 29; Новосельцев 1990, 111; Гаврилов 1996, 111 - 113; Айбабин 1999, 156 - 186; Могаричев 2000, 102-103], не говоря уже о том, что пришельцы обжились и почувствовали себя более уверенно в новых краях и того позже. Действительно, даже в начале VIII в. сюда не боялись ехать переселенцы - ромеи из Малой Азии, примером чему может служить бывший пафлагонский кандофор (kandophoros), дед Иоанна Готского, знаменитого мятежника, противника хазарского влияния [Никитский 1883, 25, гл. 1; Митте Иоанна Готского 1912, 132]. С другой стороны, включение крымских земель в состав Хазарии нередко преподносится как аксиома, причем отправная дата этого господства либо аморфно увязывается со всем VII в., без конкретизации, либо сдвигается к середине этого столетия. Аргументы, приводимые в этом случае, заслуживают особого рассмотрения, а сама проблема нуждается в научном комментарии, который помог бы уточнить, чьи взгляды на крайние юго-западные границы ранней Хазарии верней.

Так, иногда для доказательства раннего хазарского присутствия на Крымском полуострове исследователи прибегают к свидетельствам археологических источников. Но каких? К примеру, считается, что Алустон, небольшая по площади (0,25 га), хорошо укрепленная четырьмя башнями и мощными стенами толщиной 2,0 - 2,8 м сторожевая приморская крепость на Южном берегу Крыма, была покинута ромейским гарнизоном в связи «с появлением и укреплением на полуострове в VII в. власти хазар» [Мыц 1992, 175]. Но, во-первых, если это и произошло, не могло случиться до тех пор, пока крымские земли входили в состав византийского дуката или архонтии, а во-вторых, здешние слои

VI - VII вв. не несут следов пожара или разрушений¹. По мнению В.Л. Мыца, «...гарнизон крепости заблаговременно оставил Алустон, разрушив, вероятно, только некоторые внутрикрепостные строения и забрав с собой все ценное и необходимое имущество». Однако подобные действия были не в практике византийцев, старавшихся сделать непригодными стратегические военные укрепления, которым грозил переход в руки врага. В таких случаях следовало разрушать не «отдельные внутрикрепостные строения», а сами оборонительные стены и башни фруриона, вопреки логике происходящего оставшиеся нетронутыми. И в Алустоне, и в Горзувитах встречаются находки второй половины VI - второй половины VII вв. [Крым 2003, 42]. Малому же количеству керамики, ее фрагментов можно найти и другое объяснение – обычная, нормальная жизнедеятельность не способствовала такого рода скоплениям, они удалялись вместе с прочим бытовым мусором. Подобную маловыразительную картину демонстрируют и раннесредневековые слои Херсона, образовывавшиеся после значительных строительных нивелировок второй половины VI - начала VII вв. [Романчук 1994, 11].

Столь же противоречивы следы «хазарского разгрома», «нашествия хазар», «захвата хазарами Боспора», обнаруженные в нескольких местах во время раскопок в Керчи и датируемые временем «после 659 г., концом VII в.: пересмотр найденных при этом материалов заставляет усомниться в том, что это дело рук хазар, да и уточненные датировки уводят от «хазарского времени», оказываются более разнообразными, чем представлялось [подр. см.: Сазанов, Могаричев 2002, 469 - 509; Сорочан 2005, 322 - 395].

Гораздо чаще сторонники раннего появления хазар в Крыму апеллируют к письменным свидетельствам, а именно, к хорошо известным специалистам письмам папы Мартина I из крымской ссылки в 655 г., где он сетовал о своих бедствиях, голоде, нужде, что, по мнению сторонников хазарского присутствия, указывало именно на последствия вторжения врагов, разоренность края. Но опять-таки встает вопрос, можно ли видеть во всем этом именно последствия вражеских действий и тем более хазар? Ведь описанная Мартином I ситуация относится к тому времени, когда вследствие войн и внутренней борьбы политическая роль тюрков уже сошла на нет, их каганат пришел в окончательный упадок к середине VII в. В 651 г. конфедеративная держава тюрков подчинилась танскому Китаю, прикаспийские хазары освободились от Западно-Тюркского каганата, а Хазарский каганат получил независимость и стал набирать силу за счет присоединения протоболгар и других соседних народов [см.: Кляшторный 1965, 278 - 282; Приходнюк 2000, 125]. Уже в 654 г. арабы совершили первый набег на северо-кавказские владения хагана, после чего тюрко-хазарское противостояние халифату на многие десятилетия сосредоточилось в Закавказье [Науменко 2003, 55 - 56, 70]. Во всяком случае при халифе Османе в 644-

¹ Результаты раскопок 1984 - 1990 гг. на месте Алустона позволяют выделить строительные периоды VI - VII вв., VIII - IX вв. и X в., а в VIII - IX вв. укрепление на вершине холма служило цитаделью городища, которое образовалось вокруг крепости [Мыц 1992, 172, 175; Мыц 1998, 187 - 203]. В IX - X вв. здесь строится небольшой храм, сменивший предыдущий, следы которого прослеживаются в слое VI - VII вв. Остатки жилья IX - X вв. открыты и на поселении близ Горзувит, в котором после образования феодальной раздробленности возродилось византийское сторожевое укрепление [см.: Яковсон 1954, 109 - 120; Яковсон 1973, 77; Домбровский 1974, 9 - 13; Крым 2003, 78]. Следовательно, жизнь фактически не прекращалась здесь в течение всего ранне-средневекового периода.

856 г., судя по источникам, хазары вели войну с мусульманами в районе прикаспийского города Беленджера, весьма далеко от Таврики [Артамонов 1962, 177, 181]². Следовательно, сваливать кризис, если он вообще имел место, на "тюрко-хазарское завоевание", якобы происшедшее в Крыму накануне появления здесь папы Мартина, не приходится [Якобсон 1958, 469; Якобсон 1959, 37; Артамонов 1962, 195 - 196; Bortoli, Kazanski 2002, 653].

Хазарский каганат, уже в 20-х гг. VII столетия выделившийся в почти самостоятельную единицу Западнотюркского каганата, а с 50-х гг. VII в. ставший важнейшим фактором политической стабильности на юге Восточной Европы, постепенно превращался в этнически пестрое, неоднородное государственное образование, в состав которого входили земли в междуречье Волги, Дона и Донца от Приазовья и Каспийского моря до долин рек Кубани и Терека в Предкавказье [Артамонов 1962, 386 - 393; Плетнева 1967; Гадло 1979, 171 - 189; Магомедов 1983; Новосельцев 1990, 85 - 89, 100 - 112; Круглов 1992, 32 - 37]. Даже в период расцвета каганата собственно хазарские зимники располагались, в целом, вдоль восточной границы каганата, в северо-западном Прикаспии и в районе дельты Волги [подр. см.: Михеев, Тортика 2000, 154-164].

Хазарский кочевой этнос сформировался вследствие продолжительного симбиоза местного населения Восточного Предкавказья с тюркскими и финно-угорскими племенами, которые в свое время выплеснул в прикаспийские и донские степи могучий вал гуннско-аварского нашествия. Несмотря на временные неудачи и поражения, Хазарская держава за сравнительно недолгий исторический срок превратилась в мощную и влиятельную политическую силу в регионе, которая все более расширяла свою экспансию в соседние земли. Перед этим, в 630-е гг., вследствие ослабления власти хаганов Западно-Тюркской державы, создалось возглавленное представителями племенного клана Дуло государственное объединение Великая Болгария, но его влияние распространялось на степи Приазовья и, может быть, дальше, до низовьев Днепра, но не на Западный Крым [Науменко 2003, 61 - 62]. Окончательный разгром китайцами Западно-Тюркского каганата в 656 - 659 гг. вызвал приток нового тюркютского населения, и лишь после этого хазары - преемники каганата расширили ареал своего проживания [Golden 1992, 136]. В третьей четверти VII в. Византия не вмешивалась во враждебные отношения болгар и хазар и поддерживала с последними политический нейтралитет [Круглов 2002, 84]. В результате в это время Хазария окончательно подчинила своего предшественника в прикаспийских и причерноморских степях — Булгарский каганат (Великую Болгарию), после чего создалась возможность проникновения хазар на Крымский полуостров. Лишь тогда византийцы, судя по их письменным источникам, заметили хазар как политическую силу³.

² За помощь в этих войнах с арабами византийцы в 637 - 638, 642 - 646 гг. и, видимо, позже, вплоть до конца VII в. расплачивались с союзниками-хазарами подарками в виде легковесных золотых монет, не имевших хождения в самой Империи, поскольку вывоз золотых денег за ее пределы по закону был под запретом [см.: Семенов 1991, 121 - 126; Соколова 1993, 150 - 152; Комар 1999, 114; Науменко 2003, 67 - 68].

³ Никифор и Феофан описывают появление хазар по общему источнику, составленному не позднее 720 г., причем у Феофана повествование полнее и ближе к оригиналу первоисточника [см.: Nicephoros 1990, 15 - 16].

"Они (болгары) оставили свою страну и бежали, а те (хазары) преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна" – сообщает позднейшая хазарско-еврейская переписка [Коковцев 1932, 32]. В рассказах Феофана и Никифора это событие следует под 6171 годом (678 / 679 г.н.э.), но вслед за созывом Шестого Вселенского синода в ноябре 680 г. и поселением в том же году булгар во главе с Аспарухом "у Истра"⁴. Под этим же годом латинский хронист Сигеберт сделал запись: "От сего времени следует вести начало Болгарского государства" [Литаурин 1999, 212].

Никифор пишет о том, что после того, как "этот народ [булгары] разделился и рассеялся", то есть после разгрома Великой Болгарии, хазары "подвергли нападению все селения до (перед, над, выше) земель Понта Евксинского (подчернуто мной – С.С.) и достигли моря (ta toiauta panta katedramon choria tes uper Pontou ton Euxeinon ges kai thalattes eperase)", причем случилось это к правлению Константина IV (668 - 685) [Чичуров 1980, 154]. Так же это событие выглядит и у Феофана: "...из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и овладел всей противолежащей землей (землей по ту сторону) вплоть до Понтийского моря (подчеркнуто мной – С.С.)" (to megaethnos ton chazaron ... edespose pases tes peratikes ges mechri tes Pontikes thalasses) [Чичуров 1980, 37]. Берзилию – страну прабулгар большинство исследователей располагает в Северо-Западном Прикаспии или низовьях Волги [см.: Чичуров 1980, 117, комм.280]. К. Цукерман отождествляет ее с районом Самарской Луки на Средней Волге, что менее вероятно [Цукерман 2001, 325 - 329]. Поскольку речь идет о движении хазар с запада, будь это Прикаспий или Поволжье, в "противолежащие земли", на восток, можно думать, что вскоре после 679 - 680 гг. граница их распространения, а затем и господства достигла северо-восточных и восточных берегов Черного моря, то есть земель "над Понтом Евксинским", – земель, расположенных севернее Черного моря, лесостепи и лесов населенных антским союзом племен, но, что важно подчеркнуть, не собственно территории Крыма [Приходнюк 2002, 129 - 130; Сазанов 2002, 220 - 221].

Следовательно, хазарская экспансия в южном направлении началась никак не ранее 660-х гг., причем с помощью дипломатических усилий Византийской империи удалось ограничить новообразовавшийся каганат пределами Восточного Приазовья, Керченского пролива и нижним течением Дона [подр. см.: Науменко 2003, 52 - 70]. Эти же западные рубежи Азиатской Сарматии, в которой жили хазары, указывают обе редакции ("длинная" и "краткая") "Армянской географии" ("Ашхарануйц") Анания Ширакаци, созданные соответственно в 661 - 665 гг. и около 670 г. [Патканов 1883, 27 - 31]. Показательно, что к 670-м хазары были известны лишь в Закавказье [подр. см.: Цукерман 2001, 325 - 331]. Одним из самых крупных, опустошительных нашествий сюда относится к 684 г., когда хазары решили наказать самовольство хагана савир Алп-Илитвера, женившегося на дочери албанского владетеля и принявшего христианство [Плетнева 1986, 34]. И раньше и позже их больше интересовали закавказские страны, Армения, Грузия, Албания, где от имени халифов правили наместники, которых они истребили, а сами страны разорили, воспользовавшись междоусобицами, вспыхнувшими у арабов вследствие переноса столицы из Мекки в Дамаск [см.: История халифов 1862, 10; Всеобщая история 1864, 72].

⁴ О датировке переселения Аспаруха и создания славяно-болгарской державы см.: Ангелов 1973, 260-261; История на България 1984, 98-100; Nicephoros 1990, 196; Treadgold 1997, 328.

Показательно также, что процесс нарастания тюрко-хазарского влияния в областях византийского пограничья, очевидно, не случайно долгое время сопровождался сохранением мирных взаимоотношений. Возможно, правитель Западнотюркского каганата, который представлен в источниках как гуннский вождь, в 619 г. побывал в Константинополе, а его свита крестилась [Гумилев 1993, 202, 439]. Ведь в 626 - 628 гг. тюрки пошли на добровольный союз с василевсом Ираклием (610 - 641) в его решающей схватке с Сасанидским Ираном, ставшей победной для ромеев, приняли участие в персидской кампании в Закавказье и в дальнейшем стойко и последовательно сохраняли отношения, строившиеся на взаимной заинтересованности [Чичуров 1980, 35, 59, 104-105, комм. 236; с. 151 - 152, 159 - 160; Pernice 1905, 152 - 155; Артамонов 1962, 142 - 154; Новосельцев 1987, 20 и сл.; Новосельцев 1990; Артамонов 1990, 276; Гумилев 1993, 196]. Около 628 г. благодарный Ираклий едва было не совершил невиданный шаг – обручил свою дочь от первого брака с "турком" (to Tourko) – каганом западных тюрков, "которых называют хазарами", и уже отправил ее из Константинополя в путь, когда пришло трагическое известие, что суженый Евдокии погиб в сражении [Чичуров 1980, 153, 161]. Только эта роковая случайность расстроила казалось бы неминуемую свадьбу, которая могла бы ввести чужеземного владыку в ромейскую венценосную семью и тем самым – неслышанное дело — поднять его до уровня василевса. В ходе арабо-византийских войн 636-646 гг. тюрки в 643 г. вступили в войну с арабами на стороне византийцев, получая от них заверения в дружбе, очевидно, подкрепляемые солидами и дорогими подарками, знаковая семантика которых свидетельствовала о желании военного союза [Комар 1999, 114; Комар 2000, 136].

Еще раз следует заметить, что в начале 650-х гг. тюрки и хазары ожесточенно бились с мусульманами на берегах Ефрата и в глубине Прикавказья, вдали от Таврики [см.: Житие Иоанна Готского 1912, 387]. В 654 - 655 гг. они вместе с аланами и абхазами входили в состав неудачно действовавшей против войск Хабиба Ибн Ма'слама византийской армии стратига фемы Армениаков, но вскоре к северу от Дербента разбили проникший сюда 4-тысячный отряд мусульман Салмана Ибн Раби'а ал-Бахили [Шагинян 1998, 28 - 32]. Поэтому говорить о некоем "временном захвате Крыма хазарами" в 653 г. или о "тюрко-хазарском завоевании" перед 655 г. можно лишь как о историографическом недоразумении [ср.: Ковалевская 2002, 54; Bortoli, Kazanski 2002, 653]. До появления хазар здесь должно было пройти еще около четверти столетия, да и для более позднего времени нет данных, которые подтверждали бы точку зрения о некоей "первой волне" массового хазарского проникновения на полуостров [Сазанов, Могаричев 2004, 88 - 90]. Присутствие Хазарского каганата на крымских землях выражалось более в политическом влиянии и сборе своей части доходов с них, чем в оккупации.

Если уж искать те силы, которые могли отяготить жизнь Херсона и его окружи в это время, то хазары были связаны с ними косвенно, как виновники разгрома приазовской "Великой Болгарии" Куврата около середины VII в. и последующего развала антского объединения на более мелкие славянские образования [см.: Приходнюк 2000, 129 - 130]. Именно с этими событиями оказалось связано перемещение кочевых и полукочевых и частично оседлых племенных образований (части степных кутригуров, оногуров – бывших утигуров, степного ираноязычного населения, булгар, племен антского союза, приднепровских элементов), влияние которых археологически засвидетельствовано в Таврике во второй половине VII - первой четверти VIII вв. [Майко 2000, 287 - 295; Бубенок

2000, 282]. Со временем они пополнили ряды крымских федератов - "энспондов" Византии, воинов, скотоводов и земледельцев, но произошло это не вдруг и могло сопровождаться трениями с местным населением, в том числе и с херсонянами.

Но скорее всего, определенная нехватка хлеба, его дороговизна в округе Херсона, о которой писал папа Мартин, объясняются не проделками торговцев, не военной угрозой со стороны неких варваров или арабов, занятых в 655 г. захватом далекого Родоса, и тем более хазар, и даже не столько действием негативного природного фактора, сколько тем, что последний оказался усугублен весьма слабой собственной аграрной базой города и хронической, с первых веков н.э., нуждой в привозном зерне [подр. см.: Кадеев, Сорочан 1989, 11 - 12, 60; Сорочан 1994, 66 - 72]⁵. Некоторые усадьбы сельской хоры на Гераклейском полуострове в VII в. были заброшены [Яшаева 1994, 79]. Видимо, шла переориентация на скотоводство, выпас скота, более удобные в изменившихся условиях [Сорочан 1994, 70]. Отсюда и без того небольшое производство зерна сократилось. По понятным причинам, особенно остро эта проблема давала себя знать весной и летом, когда подходили к концу запасы старого урожая и никто не хотел делиться их остатками с политическим преступником, каким официально являлся Мартин. Достаточно вспомнить о встрече корабля, на котором папу доставили в Константинополь 17 сентября 655 г., когда сбежавшаяся в порт толпа весь день поносила обессиленного арестанта, пока его не убрали с глаз издевавшихся и перенесли в тюрьму Прандеария [Commemoratio 1764, 855; Бородин 2001, 151]. Едва ли что-то лучшее, чем равнодушие, ожидало его среди верноподданных василевса на земле Таврики.

С другой стороны, сложившееся положение позволяет предполагать, что население Юго-Западного Крыма в середине VII в. еще не могло в достаточных количествах производить хлеб в Херсон, и отсутствие сношений херсонян с ближайшими местностями Таврики здесь ни при чем. Примечательно, что именно на конец VI - третью четверть VII в. в Северном Причерноморье пришелся крайне засушливый период ксеротермальной фазы (период II - 5 по Ю.Л. Раунеру), что должно было отразиться на состоянии местной продовольственной базы, ставшей испытывать повышенные затруднения в условиях субтропического реального климата с сухим жарким летом и суровой, длинной зимой [см.: Раунер 1981, 5 - 22, табл. 1, рис. 5; Комар 2004, 197]. Зато нет ни малейших оснований говорить о том, что соседние "крепости племен (народов)" были захвачены некими врагами, тем более хазарами [ср.: Шестаков 1908, 31]. А. Бортоли и М. Казанский противоречат себе, когда с одной стороны признают кризис, якобы вызванный некими неуловимыми политическими событиями, но вместе с тем полагают, что данные папы Мартина о трудной экономической ситуации не заслуживают доверия, ибо такое положение не могло быть длительным и не увязывается с наличием следов собственного херсонского ремесленного производства, достаточно обильными находками импортной средиземноморской краснолаковой керамики, амфор, которые датируются второй половиной VII в., в том числе встречены в закрытых комплексах с монетами 641 - 668 гг. [Bortoli, Kazanski 2002, 653]. Поэтому письма ссыльного, даже без учета значительной степени их эмоциональности, субъективности

⁵ Эта потребность должна была стать еще более острой после изменений, затронувших систему земледельческих хозяйств Гераклейского полуострова со второй половины V в. Херсониты продолжали заниматься здесь сельским хозяйством и после этого, но уже не так интенсивно, как прежде [Зубарь, Сорочан 1998, 124-125].

ности⁶, без учета законов жанра просительного послания безусловно свидетельствуют лишь об одном: в 655 г. город не имел значительных поступлений продовольствия из Юго-Западного Крыма, в том числе из "области готов" – Дори, в немалой степени зависел от поставок хлеба из района Босфора, Малой Азии и на протяжении судоходного сезона поддерживал с этой целью периодические двусторонние морские контакты со своими внешними ромейскими контрагентами [Бородин 1991, 178, письмо XVI].

Ситуация с подвозом продовольствия стала меняться к лучшему, вероятно, уже к последней трети VII столетия. Следует учесть, что с 677 г. миновал засушливый период, началась череда влажных лет [Комар 2004, 199]. Чуть позже под натиском хазар часть населения мигрировала с территории Великой Булгарии в Крым, проникла на незаселенные земли в степном, центральном и восточном районах полуострова, где, будучи обеспокоена предшествующими лихолетьями, даже потеряв часть скота, испытывала недостаток в пастбищах и вынуждена была перейти к оседлому пастушеско-земледельческому хозяйству [Домбровский 1986, 536; Айбабин 1999, 184, рис. 78; с. 190]. Палеоэкономические модели, построенные И. А. Барановым, позволяют говорить об экономическом подъеме, который был обусловлен в это время ростом торговли хлебом, поступавшим на византийские рынки с провинциально-византийских сельских поселений Юго-Западной и Южной Таврики. Уже во второй половине VII - первой половине VIII вв. они могли давать около 6 тыс. тонн избыточного хлеба [Баранов 1990, 75; Баранов 1994, 17-18].

Теперь, наряду с Хазарией, основными его потребителями были византийские города и крупные поселения Крымского полуострова, отнюдь не аграризировавшиеся центры, прежде всего Херсон, Сугдея и южнобережные эмпории, такие как Партениты и Кураса-ты. Через их порты большая часть зерна уходила в столицу и прочие города лежавшей на морем Романии. К тому же стратегическое и экономическое значение крымских земель должно было еще больше возрасти для Империи со второй половины - последней четверти VII в., когда ее северобалканские провинции оказались под угрозой болгарских нападений, а малоазийские — арабских рейдов.

Нет оснований считать, что Империя лишилась в это и последующее время политического, идеологического и экономического влияния в тех «крепостях племен» (in castris gentium), которые находились в соседних с Херсоном областях Таврики, поскольку византийская центральная администрация по-прежнему продолжала практику отправления делов Империи - политических ссыльных не только в сам Херсон, но и в другие укрепления Юго-Западного Крыма [Васильев 1927, 188, прим. 1; Якобсон 1959, 39, прим. 3; Воронин, Могарычев 1993, 36 - 37]. Уже М.И. Ростовцев справедливо заметил по этому поводу, что такая практика несомненно предполагает существование в подобных местах вооруженных сил и властей, подчиненных Империи [Ростовцев 1907, 14]. Хазарских здесь не было.

Последнее утверждение убедительно подтверждается фактом бегства ссыльного императора Юстиниана Ринотмета из Херсона в горный Крым, во фруру (to phrouרון) - стратегический пост по контролю в пограничном районе, военное укрепление, убежище императора (Дарас) «земли Готфики», о чем упомянуто у Никифора и Феофана [Nicephori 1880,

⁶ Одним из первых на это обратил внимание В.Г. Васильевский [см.: Житие Иоанна Готского 1912, 388; ср.: Романчук 1981, 321; Романчук, Седикова 1991, 31; Романчук 2003, 36].

40. 22-24; Theophanis 1883, 372. 30]⁷. Побег, происшедший вскоре после прихода к власти очередного василевса - узурпатора Тиверия Аписмара в 698 г., объясняется стремлением экс-императора, боявшегося за свою жизнь, не только обезопасить себя от покушения со стороны местных византийских властей и верноподданных начавшего править тогда Тиверия, но прежде всего желанием связаться оттуда с хаганом хазар, поскольку в самом Херсоне такой возможности не было [Чичуров 1980, 39, 62, 156, 163]. Но это вовсе не значит, что архонтии – административные районы “хоры Дори” и самой “Готфики”, простиравшейся в прилегающей к Херсону части Юго-Западной Таврики и Южному берегу Крыма, приблизительно от м. Айя до современных сел Рыбачье (бывшее Туак) или до Приветного (бывшее Ускют), были полностью независимы от Византии в конце VII - начале VIII вв., как полагали и полагают некоторые исследователи [Пирог 1990, 82 (впрочем, сам автор был вынужден заметить, что участие жителей городов-крепостей и поселений горной Таврики в политических событиях начала VIII в. в Херсоне и Константинополе «свидетельствует о традиционной связи правителей этих крепостей с Херсоном и во времена хазарского протектората» – с. 83); Айбабин 1997, 5-9; Айбабин 1999, 195, 196, 226-227; Могаричев 2000, 103, 108]. Самостоятельность этих укреплений была, видимо, весьма относительной. Конечно, они играли роль военно-политических центров, от случая к случаю могли служить убежищем как для населявших их немногочисленных постоянных жителей, так и гораздо более многочисленного окрестного сельского населения. Но в то же время они являлись ключевыми пунктами разнообразных связей, в том числе и экономических, между византийским Херсоном и местными «начальствующими» - архонтами, как на греческий манер называет их Никифор в своей «Краткой истории» [Чичуров 1980, 155, 163]. «Простатевонты» или архонты, управлявшие этими городами и областями в «готфской земле», а не хазарской, позже недаром понесли одинаковую смертную кару с теми семью херсонскими протевонами, с которыми вместе пытались организовать сопротивление карательной военной экспедиции Юстиниана II крымские архонтии осенью 710 или 711 г. [Чичуров 1980, 156, 164]. По сообщению Феофана, «херсониты и жители других кастра» действовали вполне единодушно, отрекаясь от Юстиниана II и провозглашая василевсом нового претендента на трон — знатного армянина Вардана, сосланного «туда», то есть в византийские владения Юго-Западной Таврики [Чичуров 1980, 41, 64]. Нелишне заметить, что отречение имело смысл только в том случае, если бы его совершали подданные византийского государя, а не какого-либо иного, к примеру, того же хагана хазар.

Поэтому можно посоветовать исследователям не торопиться столь безоговорочно включать “окупированный хазарами Крым” в состав западных земель Хазарского каганата, объявлять его “Крымской Болгарией” и, тем более, “Крымской Хазарией” [Айбабин 1991, 46; Баранов 1994; Филиппенко 1997, 53; Айбабин 1999, 171 - 224, 226 - 227; Приходнюк 2000 а, 141; Герцен, Могаричев 1999, 112 - 115; Михеев, Тортика 2000, 154-155, 157; Майко 2001, 39 - 40, 41; Сухоребров 2002, 78; Бармина 2002, 25; Плетнева 2003, 88 - 94; Моця 2004, 279]. Ведь даже в коллективной академической монографии, посвященной средневековому Крыму

⁷ Фрурой ее называет Никифор; Феофан пишет более кратко, без уточнений – eis to Daras. О понятии *phrouion* у ромеев см.: Миланова 2004, 247 - 248.

⁸ Ставка хагана тогда находилась, вероятно, в районе Прикаспия или, что менее вероятно, в степях Поднепровья, но не в Боспоре [см.: Новосельцев 1990, 122-125].

Северо-Востоному Причерноморью и Закавказью, которая ставит целью подведение итогов многолетних исследований в этом регионе, главу о раннесредневековом Крыме венчает непререкаемый подзаголовок – “Хазарское господство” [Крым 2003, 53]. Он вполне соответствует заключительному непререкаемому выводу о том, что Хазарский каганат вытеснил Византию из Таврики; Боспор, Сугдея, Мангуп и десятки других более мелких пунктов стали принадлежать хазарам и до X в. здесь установилось безраздельное хазарское владычество [Крым 2003, 483]. Подразумеваемую при этом гипотезу о наиболее крупных торговых портовых городах Тамани и Таврики отдельные исследователи считают важной причиной завоевательной политики хазар [см.: Плетнева 2002, 115].

Так, С.А. Плетнева в качестве “постановки проблемы” без колебаний объявляет крымские города VII - IX вв. “городами в Хазарии”, выросшими под влиянием чужой культуры, и особенно показательную роль в этом плане отводит Херсону, якобы “неоднократно вошедшему во владение Хазарии”, но ...до сих пор не обнаруживающему “никаких следов пребывания хазар” [Плетнева 2002, 111 - 112, 123; Плетнева 2003, 91]. Это перекликается с мнением А.В. Гадло о том, что карательные акции, направленные Юстинианом II в 710 - 711 гг. против «Херсона, Боспора и других архонств», создали прецедент для полной оккупации хазарами Крымского полуострова, когда даже в Херсоне появился хазарский чиновник «тудун» [Гадло 1989, 25, 30; Гадло 1991, 99]. При этом как-то забывается, что тудун, если это был действительно иноземный наместник, присутствовал в городе, в котором явно не было хазарских войск, едва ли не в одиночку, причем находился там до первой большой карательной военно-морской операции Юстиниана II и больше не появился там после того, как в октябре или ноябре 711 г. был отправлен из Херсона к хану. Он попросту умер в пути [Чичуров 1980, 40 - 41, 64, 156 - 157, 165]. “Защищать” же Таврику хазары на тот момент могли бы только от самих себя и никак не от Византии, с которой у них были мирные, союзные отношения и которая давно утвердилась в здешних землях.

Подобные представления перерастают среди историков в своего рода фетиши, легенды, где реальность подчас путается с вымыслом. Именно так звучит указание Н.Н. Болгова на женитьбу Юстиниана II на сестре хана ...в Херсоне, причем в 704 - 705 г., то есть уже после побега экс-императора в Хазарию [Болгов 2002, 73]. Недалеко от этого пассажа заявление С.А. Плетневой: «Благодаря письменным источникам мы знаем, что в истории [Херсона] был период (IX в.), когда там правил ставленник хазарского кагана» [Плетнева 1999, 166]⁹. Очевидно, подразумевается тот «архонт», который был в Херсоне «от лица хана» в 710 или 711 г., а не в IX в., и носил то ли имя Тудун (Тондун), то ли, скорее, титул, известный в восточно-тюркской иерархии как «тудун»¹⁰. Поиск однозначного ответа осложняется тем, что в имеющихся рукописях сочинений Феофана и

⁹ В своих ранних работах автор относил появление тудуна в Херсоне к 710 г., когда херсониты “отдались под покровительство кагана”, а присланный правитель стал “...следить за местным управлением и за поступлением налогов в казну кагана” [Плетнева 1986, 22 - 23].

¹⁰ Обычно так именовались провинциальные наместники тюркских ханов [Артамонов 1936, 63; Авенариус 1981, 35], поэтому конкретизация Феофана в отношении этого лица как эквивалента хана может также служить греческим эквивалентом титула тудун [Васильев 1927, 107]. Примечательно, что тот же эпитет (“от лица” хана) хронист применил, когда под 704 / 705 г. упоминал того “архонта из единоплеменников хана”, который был приставлен в Фанари к Юстиниану II Ринотмету наблюдать за ним [ср.: Чичуров 1980, 39, 62 - 63, 155, 163; Bolzan 1991, 683].

Никифора встречаются оба разночтения. И.А. Баранов, отмечая точность в деталях Ватиканского списка рукописи «Краткой истории» Никифора¹¹, полагал возможным видеть в Тондуне тюрка с таким именем, который, как нередко бывало в практике того времени, находился в Херсоне на византийской службе в должности архонта [Баранов 1988, 10; Баранов 1990, 148 - 149]. Само по себе такое предположение выглядит не лишенным вероятности, даже если опустить сомнительный аргумент автора, что «в качестве термина на слово «тудун» не имеет аналогов в титулатуре ни одного из народов Евразии» [Баранов 1988, 10]. Например, армянские и китайские источники, писавшие «о чинах и званиях» у ранних тюрков, указывают обладателей этого титула среди тех, кто «подобен управляющему областью» (*kum. ту-тунь < T'UO-D'UEN < TUDUN*) или среди «знаменитых мужей» из верхушки восточнотюркского общества [История агван 1861, 128, 337; Чичуров 1980, 101; Зуев 1998, 154, 157], а в позднеаварском каганате (680 - 805 гг.) он встречался у привилегированных, благородных лиц, правителей в значении дука [Вона 1984, 310-346; Дайм 2002, 280]. Обычно так называли провинциальных наместников в составе администрации государственных образований тюрков, «в системе управления Тюркским каганатом завоеванными областями с иноэтничным населением» [Науменко 2003 а, 70]. Судя по показаниям китайской хроники «Старая история династии Тан» (X в.), одной из важнейших функций «тудуна» был контроль за точным исполнением фискальных обязательств правителей подчиненных народов [Науменко 2003 а, 70].

Но даже если в Херсоне был не византийский, а именно хазарский «архонт», его присутствие не может служить решающим аргументом в пользу уже установившегося одностороннего господства или хотя бы «протектората» каганата в это время, поскольку этот *ek prosoro* (полномочный представитель) хагана явно оказался здесь временно, вероятно, в связи с событиями, порожденными враждой Юстиниана II, злоумыслившего кровавую месть, разгром и резню херсонитов. «Архонт от хазар», являвшийся посланником хагана, выполнял в данном случае свойственные ему функции наблюдателя, контролера, посредника или «местоблюстителя», как сказали бы ромеи, — *topoteretai para Tourkois*), в зависимой, пограничной, но не включенной в состав каганата области [Etymologicon 1848, 763. 24; Kazdan 1991 а, 2095 - 2096]¹². В новеллах Юстиниана I так называли полномочных представителей императора, контролировавших провинциальные городские округа [Jones 1992, 759, 1312]. Со временем они станут эволюционировать в военную сторону, в офицерский состав армии [ср.: Oikonomides 1972, 59, 110 - 119, 148 - 151, 170 - 175, 178 - 179, 182 - 183, 209, 232 - 233].

¹¹ Следовало бы также добавить и Лондонского (cod. Londin. Brit. Mus. Addit. 19390 (s. IX), f. 24r - 55r), не использованного в издании К. де Боора 1880 г. [ср.: The London Manuscript 1948]. Впрочем, будучи точен в деталях, Никифор менее, чем Феофан, был склонен вникать в суть отношений ромеев и хазар в Таврике и поэтому опустил некоторые важные подробности, более упрощенно, полярно показав конфликт только как столкновение ромейских местных и центральных властей. К примеру, историк не посчитал важным пояснить, кем на самом деле был архонт Тондун, почему хазары убили херсонского протополита Зоила и византийского турмарха с 300 стратиотами, либо он, в отличие от Феофана, пользовался источником, где такие пояснения отсутствовали.

¹² У ромеев аналогичные функции наблюдателя имел апокрисиарий — посланник, посредник [см.: Коев 1978, 57 - 61; ср.: Науменко 2003 а, 71].

В.А. Науменко безосновательно помещает время пребывания тутуна в Херсоне то между 706 - 707 и 711 - 712 гг., то между 705 и 711 гг. [Науменко 2001, 349; Науменко 2003 а, 70, 71, 72; Науменко 2003 б, 434]. Если говорить о гипотетически возможных хронологических пределах такого рода, то *terminus post quem* non для них кладет бегство Юстиниана из Херсона к хагану, происшедшее вскоре после прихода к власти Тиверия Апсимара в 698 г., а *terminus ante quem* non — осень 711 г., когда тутун вместе с херсонскими первенствующими был арестован и отослан в Константинополь. Каждый из годов указанного промежутка мог быть тем, когда представитель хагана оказался в городе, но, вероятнее всего, необходимость в нем возникла только тогда, когда Юстиниан Ринотмет потребовал разобраться с ненавистным ему крымскими подданными и стал собирать карательный флот, то есть не раньше 710 г. Такого рода намерения не могли не встревожить хазарскую сторону, увидевшую в этом угрозу потери своей доли доходов, начавших регулярно поступать с подконтрольной с конца VII в. крымской территории, и, вполне логично, она отреагировала посылкой собственного "местоблюстителя" - наблюдателя. Во всяком случае совершенно ясно, что его не было в городе двенадцать лет назад, около 698 г., поскольку в этом случае Юстиниану не надо было бы бежать из Херсона, чтобы достигнув фруры — военного укрепления Дорос (*eis to phrouion to legomenon Doros*), уже оттуда, с северной окраины Готфской земли (*te Gotthike keimenon chora*) и епархии Херсона Доранта, простиравшейся по всей нагорной части Крымского полуострова, искать связи с известным из "Краткой исторической хроники" Ивузиром Глиаваном, хаганом Хазарии, просить о представлении правителю, который узнал об этом не тотчас, а спустя какое-то время¹³. Позднейшие византийские авторы конца X - начала XI вв. (Лев Диакон, Симеон Логофет) тоже отмечали, что экс-император бежал из Херсона "к Меотиде" (Азовскому морю), "в Хазарию", то есть за пределы Таврики [Лев Диакон 1988, 56 (VI. 9); Васильев 1927, 192].

Таким образом, совершенно ясно, что до рубежа VII - VIII вв. пространственное протяжение условной юго-западной границы каганата не захватывало Крымский полуостров и, тем более, его основных центров, крепостей, фрурионов, — видимо, она проходила где-то над ней, к северу или северо-востоку, возможно, за Перекопом, в причерноморских или приазовских степях, так что уже только поэтому византийско-хазарские отношения на территории полуострова должны были строиться не на принципах одностороннего хазарского господства.

¹³ Из 37-й новеллы анонимной византийской хроники (*Parastaseis syntomoi chronikai*) с дискусионной датой от VIII до IX в. следует, что этот хаган побывал в Константинополе, и имя его в греческом произношении звучало как Ивузир Глиаван (*Ibouzeros Gliabanos*) или Глиаван Хазар (*Gliabanos Chazari*), в чем можно подозревать искаженное тюркское Ивузин Ялбар или Юлбарс [*Scriptores* 1989, 40. 4 - 8; Dunlop 1954, 173, п.12; Moravcsik 1958, IX, 136; Бешевлиев 1959, 9 - 10; Цанкова-Петкова 1960, 130; Golden 1980, 182 - 183; Каждан 2002, 396 - 401]. Очевидно, воспоминания, а может быть, и какие-то документы об этой единой епархии Херсона Доранта явились тем основанием на притязания на южнобережные хорай - поселения, которые всплыли в споре митрополитов Херсонского, Сугдейского и Готского в последней трети XIV в., — споре, разрешенном Константинопольским патриархом Макарием в пользу Херсонского предстоятеля. Показательно, что клирики одного из таких хорай — Кинсануса заявили, что они всегда входили в церковные пределы Херсона [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, 351 - 354, 398].

Литература

- Авенариус А. Авры и славяне. "Держава Само" // Раннефеодальные государства и народности. М., 1981.
- Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып.2.
- Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата // Византия и Крым. Тезисы международ. науч. конф. Симферополь, 1997.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Ангелов Д. История на Византия 395 - 867. София, 1973. Ч.1.
- Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.
- Артамонов М.И. История хазар. М.; Л., 1962.
- Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении / СА. 1990. №3.
- Баранов И.А. Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888 - 1988 гг. Тезисы докладов. Севастополь, 1988.
- Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990.
- Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата (середина VII - X вв.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук / Институт археологии НАН Украины. Киев, 1994.
- Бармина Н.И. Контуры перемен: Мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья // АДСВ. 2002. Вып.33.
- Бешевлиев В. К вопросу о награде, полученной Тервелем от Юстиниана II в 705 г. // ВВ. 1959. Т.16.
- Бобринский А.А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905.
- Болгов Н.Н. Боспор Византийский: очерки истории // Болгов Н.Н. Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Статьи 1991 - 2001. Белгород, 2002.
- Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (ст., пер., коммент.) // Причерноморье в средние века. М., 1991.
- Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. М., 2001.
- Бубенок О.Б. Болгары и их соседи в степях Подонья и Северного Приазовья во времена экспансии хазар // Палеобалканистика и старобългаристика. Втори есенни международни четения "Професор Иван Гълъбов". В. Търново, 2000.
- Васильев А.А. Готы в Крыму. II // ИГАИМК. 1927. Т.5.
- Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия / Пер. с арм. Н. Эмина. М., 1864.
- Гаврилов А. В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. 1996. Вып. 5.
- Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV - X вв. Л., 1979.
- Гадло А.В. Тматороканские этюды. I // Вестник Ленинградского гос. ун-та. 1989. Вып.1.
- Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как исторический источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.
- Герцен А.Г. Крепостное строительство в Юго-Западной Таврике (в связи с проблемой взаимоотношения горных и степных районов) // Тезисы докладов Душетской конферен-

Тбилиси, 1984.

Герцен А.Г., Магаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь, 1993.

Герцен А.Г., Магаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. 1999. Вып.30.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.

Дайм Ф. История и археология авар // МАИЭТ. 2002. Вып.9.

Домбровский О.И. Средневековые поселения и "исары" Крымского южного побережья // Феодальная Таврика. Киев, 1974.

Домбровский О.И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т.3.

Житие Иоанна Готского // Труды В.Г.Васильевского. СПб., 1912. Т.2. Вып.2.

Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V - VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. 1998. Вып.9.

Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып.2.

История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. Пер. с армянского К. Патканова. СПб., 1861.

История на България. Първа Българска държава. София, 1984. Т.2.

История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с арм. К. Патканян. СПб., 1862.

Кадаев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в. н.э. Харьков, 1989.

Каждан А.П. в сотрудничестве с Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650 - 850 гг.). СПб., 2002.

Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени турк (ашина) // Новое в советской археологии. М., 1965.

Ковалевская В. Возникновение местного производства стеклянных бус на Кавказе (к вопросу об алано-хазарских взаимоотношениях) // Хазары. Второй Международный симпозиум. Тезисы. М., 2002.

Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. Киев, 1999. №2.

Комар О.В. Ранні хозари у Північному Причорномор'ї // Археологія. 2000. № 1.

Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.

Круглов Е.В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго - Донья. Материалы науч. конф. Пенза, 1992.

Круглов Е.В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI - VIII вв. в восточноевропейских степях // ХА. 2002. Т.1.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV - XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003.

Кулаковский Ю.А. Из истории готской епархии (в Крыму) в VIII веке. Где находились епархии? // ЖМНП. 1898. Ч. 315. Февраль.

Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. Киев, 1906.

Лев Диакон. История. М., 1988.

Литаврин Г.Г. К проблеме становления Болгарского государства // Литаврин Г.Г. Византизм и славяне. СПб., 1999.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

Майко В.В. К вопросу о неоднородности салтово-маяцкого населения Таврики второй половины VII в. // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2000. Вип. 8.

Майко В.В. Археологические аспекты религиозного синкретизма Крымской Хазарии VIII - первой половины X вв. // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001.

Миланова А. Типология на укрепените селища в България под византийска власт (според лексиката на византийските автори) // Civitas divino-humana в чест на професора Георги Бакалова. София, 2004.

Михеев В.К., Тортика А.А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность населения кочевых хазар (середина VII - середина X вв.) // Вісник Міжнародного Соломонового університету. Київ, 2000. № 3. Юдаїка.

Могаричев Ю.М. Средневековый Крым // Древний и средневековый Крым. — Симферополь, 2000.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Моця А.П. Население Хазарского каганата в юго-восточном Крыму // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.

Мыц В.Л. Алустон в VI - VII вв. // Византия и Крым (АДСВ. Вып.26). Барнаул, 1992.

Мыц В.Л. Ранний этап строительства крепости Алустон // ВВ. 1998. Т.57.

Науменко В.Е. Место Боспора в системе хазаро-византийских отношений // БИАО Симферополь, 2001. Вып.2.

Науменко В.Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // ХА. 2003. Т.2.

Науменко В.Е. К вопросу о хазарском "тудуне" в Херсонесе в начале VIII в. // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003 а.

Науменко В.Е. Хазарский "тудун" в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. 2003 б. Вып.10.

Никитский А. Житие преп. отца нашего Иоанна, епископа Готфии // ЗООИД. 1883. Т.13.

Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 1984.

Новосельцев А. П. Хазария в системе международных отношений VII - IX вв. // ВВ. 1987. № 2.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Ч.226. Март.

Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 142.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1986.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999.

- Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // ХА. 2002. Т.1.
- Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV - XIII века): Учеб. пособие. Воронеж, 2003.
- Приходнюк О.М. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // ХА. 2000. Т.1.
- Приходнюк О.М. [Рец.] // Археология. 2000 а. № 4 (А.И. Айбабин. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь: Дар, 1999. – 350 с.).
- Раунер Ю.Л. Динамика экстремумов увлажнения за исторический период // Известия АН СССР. Серия географическая. 1981. № 6.
- Романчук А.И. Торговля Херсонеса в VII - XII вв. // Byzantino-bulgarica. 1981. Т.7.
- Романчук А.И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город: Тезисы докл. VII науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 1994.
- Романчук А.И. Образ города – одна из причин субъективизма Папы Мартина // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003.
- Романчук А.И., Седикова Л.В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников // Византийская Тарика. Киев, 1991.
- Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып.23.
- Сазанов А.В. Боспор и Хазария в конце VII - начале VIII вв. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002.
- Сазанов А.М., Могаричев Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII - начале VIII вв. // ПИФК. 2002. Вып.12.
- Сазанов А.В., Могаричев Ю.М. Крым и Хазарский каганат в первой половине - середине VIII в. // Россия - Крым - Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004.
- Семенов А.И. Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. 1991. Вып.32.
- Соколова И.В. Монеты перещепинского клада // ВВ. 1993. Т.54.
- Сорочан С. Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности 1994. – Харьков, 1994.
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.Ю. Ивакин. Харьков, 2005. Ч.1 - 2.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
- Сухоребров В.В. Крымский полуостров в иконоборческую эпоху // Православные древности Таврики. Сб. материалов по церковной археологии. Киев, 2002.
- Филиппенко В.Ф. Каламита- Инкерман: крепость и монастырь. Севастополь, 1997.
- Цанкова-Петкова Г. О территории Болгарского государства в VII - IX вв. // ВВ. 1960. Т.17.
- Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып.8.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора. Текст, пер., коммент. М., 1980.
- Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата. СПб., 1998.
- Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI - X веках по Р.Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып.3.

- Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Т.21.
- Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // КСИИМК. 1954 а. №53.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. №85.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №63.
- Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
- Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.
- Яшаева Т.Ю. Средневековые поселения ближней округи Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье. Тезисы докл. междунаро. конф. Симферополь, 1994.
- Bona J. Az avarok // Magyarszag tortenete. Budapest, 1984. Т.1.
- Bortoli A., Kazanski M. Kherson and its Region // The Economic History of Byzantium From the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. A.E. Laiou (Dumbarton Oaks Studies 39). Washington, D.C., 2002. Vol.2.
- Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sanctum et apostolicum novum revera confessorem et martyrem Martinum papam Romae. // Mansi J. Sacrorum concilliorum niva et amplissima collectio... Florentia, 1764. Т.10.
- Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
- Etymologicon Magnum / Ed. Th. Gaisford. Oxonii, 1848.
- Golden P. Khazar Studies: An Historico-Philological Inquiry Into the Origins of the Khazars Budapest, 1980. Vol.1.
- Golden P.B. An Introduction of the History of the Turkic Peoples. Weisbaden, 1992.
- Jakobson A.L. Krim // Reallexikon zur Byzantinische Kunst. 1995. Bd.5.
- Jones A.H.M. The Later Roman Empire. 284 - 602. Baltimore, 1992. Vol.2.
- Kazdan A.A. Ek prosopou // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol.1.
- Kazdan A.A. Topoteretes // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol.3.
- Koev T. Die Institution der apokrisiarioi // Etudes balkaniques. Sofia, 1978. № 4.
- The London Manuscript of Nikephoros "Breviarium" / Ed. with an introduction by L. Orosz / Magyar Gorog Tanulmanyok. 1948. Т.28.
- Moravcsik G. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd.2.
- Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica / Ed. C. de Boor. Accedit Ignatii Diaconi Vita Nicephori. Leipzig, 1880.
- Nicephoros Patriarch of Constantinople. Short History / Text, transl. and comment. by C. Mango. Washington, 1990.
- Oikonomides N. Les listes de preasance byzantines des IXe et Xe siecles. Paris, 1972.
- Pernice A. L' Imperatore Eraclio. Saggio di storia byzantina. Firenze, 1905.
- Scriptores originum Constantinopolitanarum / Rec. Th. Preger. Fasc.1: Hesychii illustri origines Constantinopolitanae. Anonymi enarrationes breves chronographicae. Anonymi narratio de aedificatione templi S. Sophiae; Fasc.2-3: Ps.-Codini origines continens. Adiecta est forma urbis Constantinopolis [Lipsiae, 1901-1907]. Leipzig, 1989.
- Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol.1: Textum graecum continens.
- Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. - Stanford, Calif., 1997.

РЕЗЮМЕ**С.Б. Сорочан**

До історичної географії Хазарського каганату: просторові межі південно-західного кордону у VII ст.

У статті розглядаються свідчення письмових та археологічних джерел, що можуть дозволити визначити протяжність південно-західних володінь хазар у VII ст. Аналіз дозволяє встановити, що хазари не з'явилися у Криму до 680 р. Після цього півострів та його основні візантійські центри також не були окупованими. Кордон каганату проходив над Понтом", й уже через це стосунки між візантійцями та хазарськими властями у Тавриці могли будуватися на мирній основі спільного володіння.

S.B. Sorochan**To historical geography of Khazar kaganat: the spatial limits of the south - west border in VII century.**

In the article the certificate of written and archaeological sources which can are considered how to determine extent the south - west of possession Khazars in VII century. Their analysis allows establishing, that the Khazars have not appeared in Crimea till 680 years. After that a peninsula and its main Byzantine centers were not occupied too. The border of kaganat passed above the Pontos", and in Crimea relations between Byzantium and Khazars authorities were construction on a peace basis of joint possession.

